СКАЗКИ ПЕРЕДЕЛКИНСКОГО САДА
(Из воспоминаний о Леониде Леонове)

Наталия Леонова*

«...основное дело писателя – сидеть за столом, корпеть над строкой, сочинять. Но у большинства из них непременно найдутся подсобные, между делом, для отдохновения ума и рук, увлечения...» Этими словами в 1927 году Леонид Леонов начал небольшую статью, название которой говорит об увлечении, владевшем молодым писателем в те далекие дни – «Фотострасть». Однако в той же статье появляется признание: «Текуча жизнь, и еще не проявлен негатив, а уже стал неправдой... Поэтому, брат мой по фотонедугу, не поручай фотостеклу видеть то, что составляет способность душевного зрения... Так на смену... фотострасти пришло фоторазочарование».

Тем не менее, Леонов еще делает множество портретов, натюрмортов и пейзажей, привозит из Ярославской деревни, с родины матери, и позднее – из Туркмении большие серии фоторабот, которые можно назвать историческим материалом не только высокохудожественным, но и ценным, поскольку в них запечатлена ушедшая эпоха.

В 1920-е еще не родилась страсть к миру растений, но в жизнь уже уверенно входили колючие представители южных стран – кактусы, чтобы составить знаменитое кактусное сообщество, уникальную коллекцию, и сопровождать писателя долгие шесть десятилетий. А через тридцать лет Леонов призывает молодых авторов расширять кругозор и быть в курсе достижений ведущих наук настолько, чтобы читатели могли приписать им какую-либо вторую профессию. Этот совет соответствовал его личному опыту – можно сказать, что с годами он приобрел вторую профессию в области биологии и лесоводства, став знатоком самых различных видов растений. И, если бы он не стал писателем, быть бы ему замечательным садоводом.

Хочу проиллюстрировать сказанное одним эпизодом из его жизни... Это было в декабре 1963 года в Японии. В Ботаническом саду Токио – а, бывая за рубежом, он всегда стремился ознакомиться с ботаническими садами – писатель разговорился с садоводом по поводу одного из заинтересовавших его растений и в беседе привел его латинское название.

* Наталия Леонова – составитель книги «Леонид Леонов в воспоминаниях, дневниках, интервью» и автор главы «Из воспоминаний» (М., 1999), а также ряда статей и публикаций «Неизданного Леонова». Проживает в Москве, автор сборника лирики.

– Господин Леонов, это не «Pancratium speciozum», а «Pancratium illiricum», – заметил японец.

– Нет, это «Pancratium speciozum», – возразил садоводу писатель.

Для доказательства своей правоты японец принес ботаническую энциклопедию и открыл ее на нужной странице.

– А это энциклопедия японская, или же это перевод?

Услышав, что это перевод с американского издания, писатель попросил принести подлинник. Принесли... открыли...

– Господин Леонов, – извинился садовод-японец, в нашу энциклопедию закралась ошибка.

Что ж, в области растениеводства и биологии мой отец был весьма эрудированным...

Не поиск «увлечения для отдохновения ума и рук», не послушная разуму любознательность влекли его к зеленому миру, но более глубокие и теплые эмоции, выросшие на крестьянской привязанности к земле, из отношение к природе как сообществу безмолвных друзей, открытых для беседы и обладающих своим внутренним миром, незримым для праздного любопытства. Представителей этого зеленого братства Леонов считал достойными уважения, защиты и пристального внимания.

Сегодня многие любители понаблюдать пришли к выводу: растения слышат музыку, их привлекает Моцарт и Лист, но отталкивает тяжелый, металлический ритм джаза; им знакомо чувство ревности; они неизменно откликаются на ласку и теплое слово; растения обладают памятью; им, как и всему живому, знакома боль – хотелось бы знать, только физическая или более того? И, может быть, самое загадочное: растения обладают возможностью общаться друг с другом. Пишу об этом по материалам, присланным когда-то моему отцу лесоводами. Изучая методы самозащиты растений и их взаимоотношений внутри лесного сообщества, они поставили эксперимент: в роще, расположенной в открытом поле, выделили одно дерево и посадили на него активного, опасного вредителя. И наблюдали. Результат был интересен: сразу же вся роща, – вся! – стала бороться с враждебным ему насекомым. Организм каждого дерева начал вырабатывать некие защитные отпугивающие вещества. Возникает вопрос, каким образом известие об опасности распространилось по всей роще? И что это за таинственные средства информации? Может, у растений, как и в муравьиной цивилизации, существует нечто подобное телеграфу или телепатии?

Похоже на уравнение со многими неизвестными. Но поскольку сегодня точные науки по этому поводу молчат, полезно было бы использовать способность человека, названную Леоновым «душевным зрением». Может, оно, опередив разум, помогло бы выяснить незримые особенности внутреннего мира растений и «внутренние» «взаимоотношения» человека и природы, что помогло бы современникам нашим открыть не увиденные ранее новые стороны жизни.

Вот, например, писатель и художник цветом и словом создают портреты природы, художественная ценность которых зависит от душевной зоркости, чуткости и, разумеется, таланта. Однако порой этого бывает не достаточно, существует еще нечто, ускользающее от

осмысления. И невольно вспоминается затерянное в человеческом обиходе слово – *любовь*, которая, как известно, бывает безответной, односторонней и взаимной. А взаимная любовь включает в себя такие понятия как взаимодоверие, взаимопритяжение, взаимопонимание и еще есть нечто, вдохновляющее, но с трудом поддающееся рассудку, а именно – *взаимопроникновение чувств*. Вряд ли наука сегодня владеет терминами для обсуждения этого явления. Тем более, что чрезмерный и непоколебимый человеческий скептицизм, отягощенный таким неоспоримым фактом, как безгласность живых зеленых существ, имеющих к тому же несчастье быть прикованными к постоянному месту жительства, потребует признания абсолютной абсурдности этого предположения.

Но все же, все же... Леоновские пейзажи, исполненные, по слову одного из наших литературных «эмигрантов», с «фантастической изобразительной виртуозностью», его творчество, в котором неизменно присутствует глубокое, теплое чувство даже в самых кратких описаниях природы, отзывчивость на беду в зеленом мире и постоянная готовность прийти на помощь лесам, садам и рощам, приговоренным к уничтожению, деятельность, направленная на защиту российских зеленых богатств и рек, осознание единства с этим миром указывают на неправомочность такого скептицизма и давно назревшую необходимость пересмотреть значимость незримых, возможно, мистических связей между двумя столь различными живыми субстанциями.

Тут самое время вспомнить его знаменитый афоризм – «Все правдоподобно о неизвестном», и, для поиска решения данного вопроса, перейти к «Сказкам переделкинского сада».

Я оглядываюсь назад – в 1935-й год, когда Леонид Леонов стоял у истоков создания городка писателей. Однако, «по причине забавных обстоятельств», которых я сегодня предпочту не касаться, ему достался неудачный, гиблый участок земли на самом краю поселка. Болото, сырость, вместо почвы глина, и даже самые неприхотливые полевые цветы брезгали и не рисковали селиться на этой трясине.

Пока дети, надев панамки и высокие боты, бегали под жарким солнцем по этой топи, родители рыли канавы, борясь с болотом, и приносили из леса первых поселенцев – березы и рябины. В судьбе пустыря наступал перелом.

Благодаря Владимиру Ивановичу Далю, можно каждый момент нашей жизни отметить и украсить старинной русской пословицей... «Лес видит, а поле слышит»... «Человек в природе – гость»... «Каков гость, таково ему и угощение». Убогое поле радовалось своему преображению и встречало гостей-садоводов ответным теплом. Растения, прижившись, разрастались, пышно цвели. Первые жители были просты и неприхотливы – львиный зев, табак, георгины, душистый горошек. Затем «приехали» кусты смородины, молодые яблоньки и вишни. Но только после того, как в 1950 году родители мои на этом участке построили собственный дом, сад стал постепенно превращаться в ботанический сад.

Зеленая кампания с каждым днем множилась... Из Сибири приехали кедры, прихватив с собой кандык и лилию кудреватую, с горных ручьев Канады – пельтифиллум, с Камчатки – лизихитон

и симплокарпус вонючий. Главный Ботанический сад, с директором которого, Николаем Васильевичем Цицыным, отец был дружен долгие годы, поделился многими интересными растениями – от джефферсонии и рондеронов до американских сортов алого пиона. Появились кусты сирени знаменитого селекционера Л. А. Колесникова, уникальный сад которого Леонов в 1950-е годы спас от уничтожения.

Из разных весей потянулась к этому веселому сообществу зеленая живность. Всех не перечислить... В списке растений, составленном мною в этом году, около ста пятидесяти наименований, кроме еще неучтенных и неустановленных.

С годами владельцы переделкинского сада стали квалифицированными специалистами. В теплице цвели то орхидеи, то кактусы, в маленьком бассейне – водные растения. В саду появились новые сорта флоксов, выведенные женой писателя – Татьяной Михайловной.

В многоквартирном жилье под кровлей поселились птицы, в двух огромных хвойных пирамидах обосновались, уступив настойчивости писателя, крупные степенные муравьи «благородных кровей», частыми гостями стали ежи и белки.

Приходившим в этот сад не верилось, что все это создано на болотистом пустыре.

В 60-е годы в Переделкино приезжал английский писатель, физик, политик Чарльз П. Сноу. В его записках есть строки об этом посещении. «Сумрачный осенний день под Москвой. Я, прежде не встречавшийся с Леоновым, сижу в гостях у него на даче... вокруг – в соснах и березах – навязчивый, по-монастырски замкнутый, наводящий уныние русский пейзаж. Ухоженный, весь в цветах, дачный участок в отличие от большинства русских садиков напоминает английский гарден. Оказалось, что Леонов – увлеченный и образованный ученый-садовод. У него, как почти у всех русских писателей, всепоглощающий интерес к миру природы» (Цит.: Форум, 1997. № 7 (16). С. 120).

Шли годы, сад разрастался, зелень смыкалась и, переплетаясь, образовывала единый растительный организм. Уже не хватало рук и сил сохранять порядок, появилась некоторая стихийность, которая, однако, на наш российский вкус, придала саду своеобразную печальную поэтичность. Исчезла ухоженность, подмеченная Чарльзом Сноу, но зато между природой и человеком возникли особые, я бы сказала – «личные» отношения.

Вот тут-то я и стала замечать некоторые загадочные неожиданности, достойные, по моему мнению, особого внимания.

Беря разбег, начну с явления, которое с наименьшей болезненностью поддается словесному объяснению. Почти полстолетия тому назад мой отец сгруппировал возле маленького бассейна растения, нуждающиеся в повышенной влажности, где и живут они по сей день. Как-то попалось мне в Бюллетене Главного Ботанического сада сообщение о том, что дальневосточные растения лизихитон и симплокарпус приходится восполнять каждые десять лет – не переносят они сухой московский климат, нужны им болотистые почвы, близость водоема и защитная полутень. Но вот ведь как бывает в жизни: юное потомство симп-

локарпуса, растения капризного и категорически не терпящего пересадки, самостоятельно, без посторонней помощи, отправилось в путь, перебралось в дальний угол леоновского сада и обосновалось на самом сухом и солнечном месте, где вот уже три десятилетия не только цветет в окружении буйного молодняка, но и теснит окружающих соседей... Признаюсь, я не рассказывала е м у о сообщении ботанического бюллетеня... Но вопрос остается открытым: что помогает симплокарпусу с успехом выживать в неподходящих для него климатических условиях – только ли жажда жизни или еще н е ч т о, на данном этапе наших знаний трудно объяснимое словами?

К числу папиных любимцев можно отнести дикий пион из Крыма. Украшали это скромное растение круглые листья, покрытые голубоватым налетом. Мои попытки развести этот пион семенами были безрезультатны, и я неоднократно просила отца поделиться со мной – дать отводок, кусок корневища. Он отказывался, боялся повредить материнский куст. Вот тут-то и случилось неожиданное – в толпе нарциссов возле моего крыльца появился круглый голубой листок. О, я лелеяла его! А когда на третий год распустился крупный розовый цветок, позвала отца? «Ну-ка, Леонид Максимович, познакомься с новым жителем нашего сада!» Он чуть было не заподозрил меня в неблаговидном поступке – тайном похищении куска корневища. Не удивительно: птицы не склевывают семена пиона, а разум отказывался верить в самостоятельное путешествие по саду этого крошечного алого семечка. Папа с удивлением рассмотрел этого новоявленного пришельца, потом развел руками и сказал: «Чудо!»

Если за одним чудом идет следующее – удивляться уже не стоит... Много лет назад, когда я начала увлекаться садом, отец привез молодую яблоньку, и мы вместе посадили ее под моим окном. В центре яблонька, кругом нарциссы. Неожиданно я обнаружила там растение, которое никто не сажал. На следующий год я опознала его – ирис. С трудом дождалась цветения. Но то, что на третий год распустилось, было не цветком, а явлением с большой буквы! Нечто огромное, душистое, редчайшей расцветки! Такие оттенки можно было бы найти на полированной поверхности старинной мебели, в пламени красного дерева. Ничего подобного мне видеть не приходилось... Да и капризны ирисы – требуют дренажа и особой пышной почвы. Вот уже воистину: «Откуда ты, прелестное дитя!?»

Вот уже восемь лет переделкинский сад живет без своего главного садовода. Но зеленая живность, обитающая там, все еще поражает мое воображение.

Есть одно очень своенравное растение. Дикарь. Коричневый клубень, листья с серебристым узором, розовые цветы, изящные, изогнутые, скромные и душистые – трогающие душу и вызывающие нежность. Леонов мечтал иметь на альпийской горке лужайку таких цветов. Имя их цикламены. Отцу привозили невзрачные клубеньки с Кавказа, из Болгарии, из Югославии. Он делился со мной, мы сажали их на альпийских горках – каждый на своей. Но они исчезали, уходили, не оставляя следов своего пребывания. Но вот... три года

назад... я еще издалека увидела... на ковре из рыжей кедровой хвои маленькие розовые пятнышки... Цикламены вспомнили своего садовода! Вспомнили и вернулись! Вернулись и зацвели именно там, на альпийской горке, где тридцать лет назад были посажены Леоновым!

А рядом с цикламенами внезапно зацвел единственный в саду куст розовой махровой гинатики... Редкость!

Может ли иссякнуть человеческая способность удивляться? Все зависит от обстоятельств.

Вот уже двадцать три года как все мамины цветы у меня на руках, и пятнадцать лет – папины. Да и выросла я в этом саду, кажется, все уголки мне знакомы. И все же... За папиной теплицей – кусок запущенной земли, росла здесь дикая малина, росла и садовая, теперь же это царство сорняков. Но вот как-то копнула там лопатой – и оказалась на моей ладони половинка разрубленного корневища, крошечного, не больше ногтя на моем пальце. Опустилась на колени, руками разгребла землю, нашла еще один клубенек, целенький. Посадила у крыльца папиной террасы. Ждала. И вот под крупным палым листом обнаружила я нечто, похожее на бокал для шампанского – стоит на тонкой ножке, сам в бело-зеленую полоску, а сверху крышечка. По ботаническому определителю выяснила – это аризема амурская. А осенью аризема преподнесла мне подарок – свой полосатый бокал для шампанского превратила в нечто вроде крупного кукурузного початка, только вызывающе алого цвета. Если у папы и была когда-то аризема, могла ли я, прекрасно зная наш сад, не заметить в течение столь долгих лет, даже в траве, это обезоруживающе дерзкое явление?

Если же она здесь когда-то была, то как ей удалось в течение нескольких десятилетий сохранять себя, пережив все выкорчевки, пересадки, перекопки, нашествия сорняков, то есть целый ряд «глобальных» потрясений?

Но и это еще не конец. На узкой полоске земли между жасминами, посаженными вдоль дороги, и забором, за которым гора строительных отходов обросла воинственными сорняками, появились крупные розетки из опушенных листьев, из розеток вытянулись высокие стрелы, украшенные бело-розовыми колокольчиками. А через год, нежданно-негаданно, рядом с ними появились стрелы с колокольчиками белыми. Таким образом два сорта наперстянки, с усмешкой поправ человеческие представления о реальности, самостийно объявились в саду Леонова и скромно обосновались под забором на постоянное место жительства.

Когда же возле ступенек на открытую террасу, где писатель Леонов последние годы любил отдыхать в шезлонге, зацвела турецкая гвоздика, никогда в нашем саду не проживавшая, я уже не удивилась, махнула рукой – ну эту-то простушку наверняка птички принесли...

Удивление иссякло, уже ничто подобное, как кажется, не способно встревожить, и все-таки я жду – снова весна! – кто же следующий?..

...Сегодня меня мучает вопрос – какая сила руководит этими переселенцами, что толкает их на такие поступки – я бы сказала – осмысленные? Может, знание, что их здесь не обидят, удивятся и дадут кусок земли под солнцем? Догадки и

предположения строятся на возможности образования некой ауры, созданной на основе контакта двух живых миров, точнее – на взаимопроникновении чувств, о чем уже было сказано ранее. Существует же какая-то причина, ведущая их именно в этот сад, но не в соседний?

По-видимому, для стороннего наблюдателя реально существуют три варианта объяснения:

– Фантазия рассказчика.

– Чудо.

– Мистика.

Выскажу личное мнение. Итак, «фантазия рассказчика». Опровергаю этот вариант: истинному наблюдателю всегда интереснее видеть, чем фантазировать. Все, что он может увидеть, всегда значительнее и ярче того, что он способен выдумать, поскольку никогда фантазия «гомо сапиенса» не будет в состоянии соперничать с изобретательностью природы, созданной Творцом.

Далее – чудо. Леонов любил повторять фразу, сказанную Блаженным Августином шестнадцать столетий назад: «Чудо не противоречит природе, чудо противоречит тому, что мы о ней знаем». И тут, используя выражения самого Леонова, формулирую вопрос: в силах ли способность «душевного зрения» помочь «разуму познать то, что уже давно знает душа?

И, наконец, «мистика». Напомню – каждый день открытия ученых подтверждают высказывание Блаженного Августина, и каждый день что-то, считавшееся ранее мистикой, переходит в разряд объективной реальности.

Поэтому я поинтересовалась, что есть нового в мире науки, способного подтвердить мои вполне дилетантские предположения. И обратилась к Станиславу Валентиновичу Зенину – доктору биологических наук, кандидату химических наук и кандидату философских наук – с вопросами, наметившимися уже в преамбуле:

– Обладает ли природа «внутренним миром» в той же степени, как и мир человеческий?

– Возможны ли взаимосвязи и взаимная любовь между двумя столь различными видами живой субстанции, и имею ли я право на изобретение такого термина как «взаимопроникновение чувств»?

– Способны ли эти чувства и рожденные ими эмоции сформировать ауру, благотворно влияющую на контакты человека и природы?

– Может ли аура быть руководящей причиной для поведения растений, послужившего основанием для сказок, и, главное – может ли она дарить вдохновляющий импульс человеку?

Привожу его ответы:

«Единая водная среда для клеток как растительного, так и животного происхождения, позволяет предположить наличие единой информационной системы для всех живых систем. Поэтому информационная взаимосвязь человека и растения оказывается всего лишь частным случаем связи всеобщей, а реальное взаимодействие между ними вполне осуществимо.

Взаимосвязь и взаимолюбовь между различными видами живой материи возможны при наличии комплиментарности (взаимодополняемости) их информации, в свою очередь, осуществление комплиментарного взаимо-

действия – это и есть взаимопроникновение чувств.

Формирование на этой основе ауры, т. е. измененного структурированного состояния физического пространства, возможно. При этом гармоническая и доброжелательная аура способствует нормальному развитию растения и повышает творческий тонус человека, т. е. ведет к взаимному обогащению их «внутренних» миров. Кто знает? – возможно, такая аура могла повлиять на необычное поведение растений в переделкинском саду.

Учитывая, что люди пока с трудом справляются с собственными языками общения, понимание информационного языка животных и растений придет еще не скоро. Но принципиальное решение проблемы информационного общения на основе водной среды и электромагнитной среды физического пространства ускорит процесс информационного единения.

Тем не менее, уже можно сказать, что предложенные формулировки о взаимоотношениях человека и растительного мира находятся в полном согласии с современными физическими представлениями об энергоинформационных процессах».

На этом я прощаюсь со сказками переделкинского сада, ставшими для меня воспоминанием и своеобразным портретом – с оттенками живописи и философии – двух людей, превративших уголок Подмосковья в ботанический сад, в оазис, где содружество различных миров позволяет себе некоторые таинственные вольности.

Будет ли этот оазис продолжать жить или же постепенно начнет уходить в небытие, рассеиваясь и утрачивая те свои силы, которым современность еще не успела дать соответствующее название, – не знаю. Но сказки о нем удостоверяют мою любовь к ушедшим и душевную привязанность к переделкинскому саду.

Москва, 2002 г.